

«Нет, весь я не умру...» Президентская библиотека – о дуэли и последних днях Пушкина

10 февраля – День памяти величайшего русского поэта Александра Пушкина. В этом году исполняется 185 лет со дня его смерти.

«В одну минуту погибла сильная, крепкая жизнь, полная гения, светлая надеждами. Россия лишилась своего любимого национального поэта», – писал Василий Жуковский отцу поэта, Сергею Львовичу. – Первые минуты ужасного горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебе всё, что было в последние минуты твоего сына. Что я слышал сам. Что мне рассказывали другие очевидцы...»

После ранения на дуэли Александр Пушкин уже не вставал с постели. Он умирал мучительно, будучи в полном сознании. Чтобы не волновать жену, распорядился скрывать от неё опасность своего состояния, которую доктора по его требованию откровенно объявили смертельною. «Ни одной жалобы, ни одного упрёка, ни одного холодного, чёрствого слова не слышали мы. Если он и просил докторов не заботиться о продолжении жизни его, дать ему умереть скорее, то единственно от

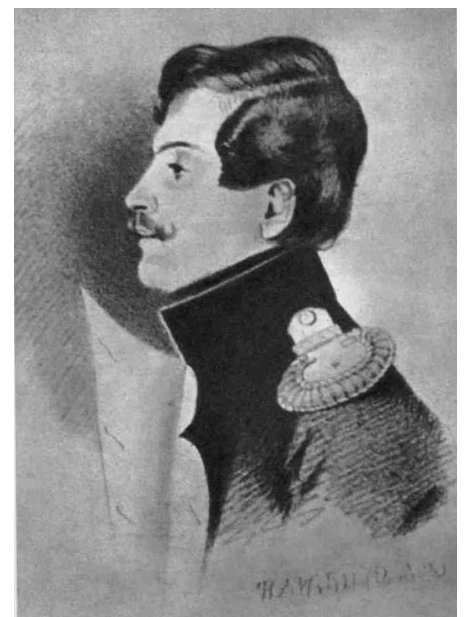
того, что он знал о неминуемости смерти своей и терпел лютейшие мучения», – вспоминали очевидцы последних дней поэта. На слова Даля: «Не стыдись боли своей, стонай, тебе будет легче» – Пушкин отвечал: «Смешно же, чтоб этот вздор меня пересилил!» Адская боль была для него лишь телесным «вздором»...

«Нет, весь я не умру – душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит – / И славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит». Одно из последних стихотворений поэта оказалось пророческим... Было в его жизни ещё одно предсказание. В книге Викентия

Вересаева «Пушкин в жизни» приводятся воспоминания князя Петра Вяземского о встрече поэта с известной гадалкой по имени Кирхгоф, которая предсказала ему «преждевременную смерть, предупредивши, что должен ожидать её от руки высокого, белокурого человека».

Этим человеком в жизни Александра Сергеевича стал Жорж Шарль Дантес, приёмный сын голландского посланника в Петербурге барона Луи Геккерена. Современники описывают его по-разному. В очерке критика Бориса Никольского «Последняя дуэль Пушкина» (1901) Дантес представлен как «шумный и блестящий трутень, вносящий всюду большое оживление своим самодовольным жужжанием». В свою очередь князь Александр Трубецкой, чьи воспоминания были опубликованы в одном из номеров журнала

«Русская старина» за 1901 год, называет Дантеса «отличным товарищем и образцовым офицером» и добавляет: «Он был очень красив, и постоянный успех в

дамском обществе избаловал его – он относился к дамам вообще, как иностранец, смелее, развязнее, чем мы, русские, а как избалованный ими – требовательнее: если хотите, нахальнее, наглее, чем даже было принято в нашем обществе».

Блиставшая в петербургском обществе Наталья Николаевна Пушкина, супруга поэта, которая «была так красива, что могла позволить себе роскошь не иметь никаких других достоинств», произвела на Дантеса сильнейшее впечатление. С её стороны в отношении к барону, по словам князя Петра Вяземского, «не было ничего преступного, но было много непоследовательности и беспечности». Пушкин, свидетельствовал князь Трубецкой, «вовсе не ревновал, но, как он сам выражался, Дантес был ему противен своею манерою, своим языком, менее воздержанным, чем следовало, как полагал Пушкин». Что касается француза, то, по мнению Бориса Никольского, он хотел «досадить Пушкину, насолить ему, сделать его смешным», и «здесь нельзя не узнать руководства Геккерена».

4 ноября 1836 года Пушкин получил анонимное послание, заносившее поэта в орден «рогоносцев». Это был намёк на неверность его жены, и тогда Пушкин вызвал предполагаемого обидчика Дантеса на дуэль. Письмо попало в руки Геккерена, и он, приняв за Дантеса вызов, попросил его отсрочить. Уже через два дня появился слух о предполагавшейся свадьбе Дантеса и Екатерины Гончаровой, сестры Натальи Николаевны. Свадьба состоялась 10 января 1837 года. Пушкин и Дантес фактически стали родственниками. Однако обида поэта не утихла. Но теперь весь гнев поэта был направлен на Геккерена-старшего. 26 января 1837 года он отправил ему оскорбительное письмо, в котором, по словам Вяземского, «запятнал неизгладимыми поношениями и старика, и молодого». В тот же день Дантес вызвал Пушкина на дуэль. Пушкин никак не мог найти секунданта, и только на другой день, 27 января, около 12 часов, им стал Константин Данзас. К половине третьего Данзас и д'Аршиак, секундант Дантеса, выработали и записали условия поединка. «Время поединка – пятый час дня; место – за Комендантской дачей».

Данзас отправился к Пушкину, ожидавшему его в кондитерской Вольфа и Беранже на Невском проспекте. Выпив стакан воды или лимонада, по словам Данзаса, Пушкин вышел с ним из кондитерской и они в санях поехали через Троицкий мост. Как пишет Викентий Вересаев «На Дворцовой набережной они встретили в экипаже г-жу Пушкину. Данзас узнал её, надежда в нём блеснула, встреча эта могла поправить всё. Но жена Пушкина была близорука, а Пушкин смотрел в другую сторону»; а также «в день поединка друзья везли обоих противников через место публичного гулянья, несколько раз останавливались, роняли нарочно оружие, надеялись на благодетельное вмешательство общества, но все их усилия и намёки остались безуспешны».

По рассказу секундантов, из-за сильного ветра место дуэли выбрали в небольшом сосновом леске, вытоптали в глубоком снегу тропинку. «Сигнал к началу поединка был дан Данзасом. Он махнул шляпой, и противники начали сходитьсь. Они шли друг на друга грудью. Пушкин сразу подошёл почти вплотную к своему барьеру. Дантес сделал четыре шага. Соперники приготовились стрелять. Спустя несколько мгновений раздался выстрел. Стрелял Дантес. <...> Пушкин упал на шинель Данзаса, служившую барьером, и остался недвижим, головой в снегу. При

падении пистолет Пушкина увязнул в снегу так, что всё дуло наполнилось снегом. Секунданты бросились к нему. Сделал движение в его сторону и Дантес. После нескольких секунд молчания и неподвижности Пушкин поднялся до половины, опираясь на левую руку, и сказал: „Подождите! Я чувствую в себе достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел“. Дантес возвратился на своё место, стал боком и прикрыл свою грудь правой рукой. Данзас подал Пушкину новый пистолет взамен того, который при падении был забит снегом. Опершись левою рукой о землю, Пушкин стал прицеливаться и твёрдой рукой выстрелил. Дантес пошатнулся и упал. Пушкин, увидя его падающего, подбросил вверх пистолет и закричал: „Браво!“», – такую картину поединка по воспоминаниям его свидетелей рисует Павел Щёголев в книге «Дуэль и смерть Пушкина: исследование и материалы» (1917).

После дуэли раненого Пушкина было трудно донести на руках до саней, стоявших на расстоянии более полуверсты. Данзас и д'Аршиак с помощью извозчиков разобрали забор из жердей, мешавший саням подъехать, и затем общими силами бережно усадили раненого в сани. До города поэта довезли в карете, присланной Геккереном для Дантеса. Когда подъехали к дому на Мойке, где жил Пушкин, тот попросил послать за людьми, чтобы вынести его из кареты, и предупредить жену, что рана не опасна. Чтобы вынести барина, камердинер взял его в охапку. «Грустно тебе нести меня?» – спросил его Пушкин. «Внесли в кабинет; он сам велел подать себе чистое бельё; разделся и лёг на диван... Пушкин был на своём смертном одре».

К трагической истории дуэли и гибели Пушкина обращаются многие исследователи, не только рассказывая по воспоминаниям свидетелей и современников о тех трагических днях, но и анализируя события и интриги, которые привели поэта к роковому финалу. Ознакомиться с этими и другими материалами можно на портале Президентской библиотеки в электронной коллекции [«А. С. Пушкин \(1799–1837\)»](#).